

УДК 322(476)

Татьяна Витальевна Лисовская

канд. ист. наук, доц., зав. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета

Tatsiana Lisouskaya

PhD, Associate Professor, Head of the Department of Humanities
of Brest State Technical University
e-mail: lisovski_rb@tut.by

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СЕПАРАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В БССР

Анализируется процесс формирования государственно-конфессиональных отношений в БССР на основе сравнительного анализа теоретических и прикладных аспектов французской и советской модели сепарации. Отмечено, что в БССР в первые годы была установлена французская модель сепарации, основанная на «приватизации» религии – максимальном ограничении возможности выражения своих религиозных убеждений в общественной жизни и переводе религиозной активности из общественной сферы в сферу частных интересов. При формальном провозглашении свободы совести и равенства граждан в Конституции БССР, нормативно-правовые акты ограничивали реализацию свободы совести как в коллективном, так и в индивидуальном измерении.

Theoretical and Applied Aspects of the Formation of a Separation System in State-Confessional Relations in the BSSR

The article analyzes the process of formation of state-confessional relations in the BSSR on the basis of a comparative analysis of the theoretical and applied aspects of the French and Soviet models of separation. The author notes that in the BSSR in the early years a French model of separation was established based on the «privatization» of religion – the maximum restriction of the possibility of expressing one's religious beliefs in public life and the transfer of religious activity from the public sphere to the sphere of private interests.

Исторически в Европе сложились три системы государственно-конфессиональных отношений, по-разному трактующих вопросы реализации свободы совести в индивидуальном и коллективном измерениях: идентификационная модель, кооперационная модель (координированной сепарации) и модель французской сепарации [8; 1, с. 125].

В качестве отличительных черт систем выступают различное понимание концепции сепарации между государством и религиозными организациями и нейтральности государства в отношении религиозных убеждений граждан. Идентификационная модель характеризуется наличием конституционной дуалистичности в вопросах религиозных прав и свобод, устанавливая государственную церковь, что обеспечивает сохранение культурной идентичности и традиционных духовных ценностей страны, и в то же время – гарантии широкой индивидуальной свободы личности в сфере религиозных и нерелигиозных верований. Кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений основана на

принципе религиозного плюрализма, признания правоспособности церквей, имеющих связь с национальной культурой, и активного сотрудничества с ними во многих сферах общественной жизни, уважение свободы совести и религии в частной жизни и в коллективном измерении.

Рассмотрим теоретические и прикладные аспекты формирования системы государственно-конфессиональных отношений в БССР. Для определения типа сепарационной модели БССР проведем сравнительный анализ системы французской сепарации и системы, формирующейся в БССР в первые десятилетия советской власти.

Новая модель государственно-конфессиональных отношений была впервые сформирована во Франции во время буржуазной революции 1789–1795 гг. [1, с. 22]. Новые политические ориентиры буржуазной революции изменили и вектор построения государственно-конфессиональных отношений. Демократизация и либерализация политической системы содействовала закреплению в конституционных нормах при-

знания свободы совести и религии и равноправия всех граждан независимо от их вероисповедания. Более того, первоначально, Французская революция 1789 г. не провозгласила отделения государства и церкви и только на практике ограничивала полномочия религиозных организаций. Однако на формирование новой государственно-конфессиональной системы значительное влияние оказало закрепление идеи правового позитивизма, на основе которого была разработана концепция правового государства, которое не признает на своей территории иной власти, кроме государственной власти и установленных легальным способом законов. Таким образом, все общественные организации, к которым отнесены и религиозные организации, должны быть подчинены власти государства, что постепенно формировало систему супрематии, главенства государства над церковными институтами.

В первые годы революции прошла национализация церковного имущества, введен запрет финансирования из государственных фондов религиозных организаций, предоставления им помещений для религиозных обрядов и для проживания священнослужителей, которых лишили всех привилегий. На религиозные организации было распространено гражданское законодательство, а их деятельность подлежала контролю со стороны государства. Были проделаны дальнейшие шаги по усилению светского характера государства (дерелигизация общественных институтов, легализация разводов, отделение системы образования от школы) [3, с. 79]. Система сепарации, утвержденная правовыми актами 1795 г., формально просуществовала до в 1801 г. – подписания Наполеоном Конкордата с Католическим костелом. Однако антиклерикальное движение XIX в. привело к упразднению Конкордата 1801 г. и обновлению принципа отделения церкви от государства в Законе о разделении церкви и государства 1905 г. [2, с. 70]. Религиозные организации окончательно были лишены правоспособности юридического лица и могли действовать только в качестве культовых ассоциаций.

Такой подход привел к утверждению принципа «приватизации» религии – максимальном ограничении возможности выражения своих религиозных убеждений в общественной жизни. Так, французская мо-

дель сепарации закрепляет перевод религиозной активности из общественной сферы в сферу частных интересов, вытесняет из общественной сферы не только религиозные организации, но и проявления индивидуальных религиозных убеждений. В итоге во Франции в конце XIX – начале XX в. был реализован принцип лаицизма – вытеснение религии из общественной сферы [6], а сама модель сепарации получила название модели «враждебной» сепарации [3, с. 35].

Аналогичные процессы формирования нового общественно-политического устройства характерны белорусскому и российскому обществу с 1917 г., с начала процесса становления советского государства, что требовало разработки новых подходов к государственно-конфессиональным отношениям. Советское правительство в процессе трансформации всех сфер общественной жизни в сфере государственно-конфессиональных отношений пошло по пути Франции, закрепляя принципы дерелигизации общественных институтов и устанавливая мировоззренческую монополию. Первым законодательным актом в религиозной политике советского правительства стал Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. [4], который обозначил уход от идентификационной модели государственно-церковных отношений и задекларировал принцип отделения церкви от государства, лишение церковных организаций статуса юридического лица, но при этом оставил право граждан на свободу совести и религии: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой» (ст. 3). 11 января 1922 г. в БССР был принят аналогичный Декрет СНК ССРБ об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Стратегия формирования новой системы государственно-конфессиональных отношений была зафиксирована в принятой в 1919 г. на VIII съезде Программе РКП(б), направленной на «разрушение связей между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды», на вытеснение религии из общественной сферы для полного отмирания религиозных предрассудков путем целенаправленной политики [7, с. 83]. Соответственно, принципы модели «враждебной» сепарации как нельзя лучше под-

ходили под идеологию РКП(б), рассматривающей борьбу с религией как одно из направлений борьбы пролетариата с капитализмом.

Принцип лаицизма во французской модели обуславливает вытеснение из общественной сферы религиозных проявлений как в индивидуальном, так и в коллективном измерении.

Ограничение свободы совести в коллективном измерении было осуществлено лишением религиозных организаций правоспособности в соответствии с Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Последующие нормативно-правовые акты были призваны урегулировать вопросы имущественных прав и участия церквей в гражданских правоотношениях, возникающие в связи с отсутствием у религиозных организаций статуса юридического лица. На протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. был принят ряд циркуляров ЦИК (Президиума ЦИК) БССР о землепользовании религиозных культов, о регистрации религиозных обществ, о пользовании и страховании молитвенных зданий, о конфискации церковных ценностей и др. [5, с. 78]. Инструкция НКВД и НКЮ «По вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства в БССР» 1928 г. давала разъяснение местным органам власти в отношении статуса и полномочий религиозных объединений: все религиозные объединения и организации в БССР были обязаны преследовать только религиозные цели, не имели прав собственности, права присваивать себе судебные, карательные и налоговые функции, не имели права выдавать удостоверения, мандаты и другие документы, были обязаны предоставлять списки служителей культа, членов советов общин, прихожан.

Свертывание НЭПа и переход к коллективизации вызвало ужесточение религиозной политики и антирелигиозной пропаганды. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. закрепило ограничение деятельности религиозных организаций в публичной сфере и окончательно легализовало супрематия государства в религиозной сфере [10]. Данное Постановление содержало 68 статей, большая часть из которых была посвящена трем направлениям

государственно-религиозных отношений в СССР: вопросам регистрации религиозных объединений, государственного контроля их деятельности, использования бывшего церковного имущества. Так, Постановление запрещало любое выражение религиозной агитации и деятельности вне культовых зданий (кроме посещения больных и умирающих по специальному разрешению), религиозным организациям запрещалось проводить специальные детские, женские, молодежные, молитвенные и другие собрания, создавать группы для обучения религии. Легализация деятельности религиозных организаций была основана на разрешительном принципе, что ставило религиозные организации в зависимость от политической воли государственных органов. Кроме того, государственные органы власти получили право интервенции во внутренние дела организаций: право контролировать состав управляющих органов, исключать нежелательных членов общин из управления, отклонять кандидатуры священнослужителей при назначении.

Изменения государственно-конфессиональных отношений затронули не только вопросы коллективных прав в рамках свободы религии, но и обусловили новый подход к содержанию и реализации свободы совести в индивидуальном измерении.

Французская система предполагает ограничение возможности реализации религиозной свободы, несмотря на признание свободы совести и религии и равноправия всех граждан независимо от их вероисповедания. Такой подход связан с провозглашением в 1795 г. новой религии – культа разума, утверждением, что религия умерла, она убита философией [2, с. 70]. В связи с этим модель основана не только на отделении церкви от государства, правовая система такой сепарации основывается на предположении, что если атеист не имеет потребности высказывания своих убеждений в обществе, то следует запретить высказывание своих убеждений и верующим, чтобы уравнивать их с атеистами. Французский сепаратизм в таком понимании построен на противодействии религии, борьбы с религией не только в институциональной форме, но и с индивидуальными, частными убеждениями.

Представленный подход постепенно был закреплен в государственно-церковных отношениях в БССР, постепенно сужая сферу индивидуальной религиозной свободы. В связи с жестким принципом вытеснения религии из сферы общественной жизни были изменены и подходы к реализации свободы совести, достаточно либерально закрепленные в Конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) 1919 г.: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 7). В 1919 г. было закреплено право реализации индивидуальной свободы совести граждан как в частной сфере (иметь религиозные убеждения), так и в публичной сфере (исповедовать, свобода религиозной пропаганды), что допускает наличие частно-религиозных компонентов в общественной сфере.

Аналогичный подход сохранился и в Конституции БССР 1927 г. [9]. Однако уже в 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов изменил ст. 4 Конституции РСФСР о религиозной пропаганде, заменив слова «свобода религиозной пропаганды» словами «свобода отправления религиозных культов». Соответственно был изменен подход к объему свободы совести и в Конституции БССР 1937 г.: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 99) [11]. Новая формулировка ограничила верующих в праве публично выражать свое вероисповедание публично во всех формах – от пропаганды до использования религиозных символов, допуская исповедание веры исключительно в рамках культовых действий, что предполагает строго установленные для этого места, и

привела к «приватизации» религии, ограничению свободы совести граждан в индивидуальном измерении.

Как мы видим, в ходе планомерного осуществления религиозной политики советского правительства на протяжении первых двадцати лет советской власти в БССР была сформирована система французской сепарации.

При формальном провозглашении свободы совести и равенства граждан в Конституции БССР нормативно-правовые акты ограничивали выражение свободы совести в индивидуальном измерении, запрещали реализацию религиозных убеждений публично, поставили в привилегированное положение атеистов и агностиков. В системе государственно-конфессиональных отношений БССР государство определяло свое отношение к церкви с позиции супремации, церковь была лишена правоспособности, ее участие в правовом и общественном процессе было минимизировано, что ограничило свободу совести в коллективном измерении. В результате произошел перевод религиозной активности из общественной сферы в сферу частных интересов и локализация религии в приватной сфере.

Противоречивость французской системы государственно-конфессиональных отношений, формировавшейся в БССР в первые десятилетия советской власти, проявилась в реализации дуалистического подхода: с одной стороны, провозглашение принципа равенства религии и убеждений и предоставлении равных возможностей реализации свободы совести исходя из позитивистской концепции права, а с другой стороны, фаворитизация атеизма как мировоззренческого принципа, в результате чего свобода совести могла быть реализована в полном объеме только при наличии у гражданина атеистических убеждений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Krukowski, J. Polskie prawo wyznaniowe / J. Krukowski. – Warszawa, 2000. – 312 s.
2. Misztal, H. Polskie prawo wyznaniowe / H. Misztal. – Lublin : KUL, 1997. – 374 s.
3. Pietrzak, M. Prawo wyznaniowe / M. Pietrzak. – Warszawa : PWN, 1995. – 298 s.
4. Об отделении церкви от государства и школы от церкви [Электронный ресурс] : Декрет Совета народных комиссаров РСФСР // Электронный ресурс правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9054838>. – Дата доступа: 22.09.2019.

5. Довгяло, Н. В. Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 годах / Н. В. Довгяло // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А, Гуманитар. науки. – 2012. – № 1. – С. 77–81.

6. Алекасандр (Синяков), Иеромонах Французское понятие светскости (laïcité): противоположность православной социальной концепции или образец для нее? [Электронный ресурс] / Иеромонах Алекасандр (Синяков) // Благовест-Инфо. – Режим доступа: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=7863/>. – Дата доступа: 22.02.2020.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 15 т. – М. : Политиздат, 1983–1990. – Т. 2 : 1917–1922. – 1983. – 606 с.

8. Лисовская, Т. В. Концепции конституционно-правового регулирования свободы совести и религии в Европе / Т. В. Лисовская // Вестн. БрГТУ. Гуманитар. науки. – 2011. – № 6. – С. 25–29.

9. Об утверждении Конституции Белорусской Социалистической Советской Республики [Электронный ресурс] : постановление VIII Всебелорус. Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, 11 апр. 1927 г. // «Pravo.by». – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/-kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/>. – Дата доступа: 22.09.2019.

10. О религиозных объединениях [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК и СНК РСФСР, 8 апр. 1929 г. // Электронный ресурс правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/documnt/9054838>. – Дата доступа: 22.09.2019.

11. Об утверждении Конституции (Основного Закона) Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : постановление Чрезвычайного XII Съезда Советов Белорусской ССР, 19 февр. 1937 г. // Pravo.by. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/>. – Дата доступа: 22.09.2019.

12. Государство и религии в европейском праве : сб. ст. / сост. Г. Робертс. – М. : Ин-т Европы РАН, 2009. – 720 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.10.2020